

Цикушева Саньят Январбиевна

Становление адыгской историографии: Ш. Ногмов и Хан-Гирей
(первая половина XIX в.)

07.00.09 – Историография. Источниковедение. Методы исторического исследования

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Казань - 2006

Работа выполнена на кафедре Отечественной истории Адыгейского государственного университета

Научный руководитель

доктор исторических наук,
профессор
Шеуджен Эмилия Аюбовна

Официальные оппоненты

доктор исторических наук,
профессор
Смыков Юрий Ильич

кандидат исторических наук,
доцент
Мустафина Гульшат Мударисовна

Ведущая организация

Адыгейский республиканский институт
гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева

Защита диссертации состоится 28 декабря 2006 г. в ___ часов на заседании диссертационного совета Д. 212.081.01. в Казанском государственном университете по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, корп. 2, ауд 1112.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан «__» _____ 2006 г.

Ученый секретарь

Диссертационного совета

Р. Г. Кашафутдинов

Общая характеристика работы

Актуальность исследуемой проблемы

В последние десятилетия происходят кардинальные изменения в исторической науке, связанные с пересмотром методологических подходов, устоявшихся концепций, проблематики, источниковой базы. В связи с этим возрастает значение историографических работ, призванных дать анализ накопленному опыту, осмыслить существующие исторические теории, выявить нереализованные исследовательские возможности и перспективы развития. В то же время, все более явственно стали обнаруживаться лакуны в историческом познании, более того, разрывы исторической традиции, связанные с недооценкой дореволюционной и зарубежной историографии.

В этой системе исторического знания все более явственно проявляется необходимость исследования национальной историографии российских регионов, без осмысления становления и развития которой невозможно целостное представление о системе исторического знания в стране. Если рассматривать развитие исторического знания в России как целостную систему, то региональная историография является неотъемлемой частью этой системы, ее структурным элементом.

Северный Кавказ - особый, сложный в этническом, политическом, социально-экономическом и культурном отношении регион. Первая половина XIX в. в его истории – период, насыщенный значительными событиями, во многом определившими дальнейшее развитие. Появление произведений Ш. Ногмова и Хан-Гирея стало значительным явлением в процессе исторического познания адыгов: это был рубеж, переход к новому этапу – этапу становления адыгской историографии. Обращение к истории зарождения адыгского исторического знания способно расширить пространство историографического анализа и внести дополнительные характеристики в понимание историографического процесса.

Степень научной разработки проблемы

История адыгов является неотъемлемой частью истории Северного Кавказа. Адыги – самоназвание одного из древних автохтонных народов данного региона, относящегося к абхазо-адыгской группе северокавказской языковой семьи. Современные адыги делятся на три ветви, сохранившие в духовной и материальной культуре много общих элементов: кабардинцы, черкесы, адыгейцы. Соответственно они проживают в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгее, а также в Краснодарском и Ставропольском краях.

В диссертационной работе дается подробный анализ опубликованных исследований, проводится их видовая систематизация. Историография адыгов к настоящему моменту обладает устоявшимися традициями изучения этноса и значительным количеством обобщающих исследований¹. Кроме этого, активно развивается изучение частей адыгского этноса в рамках отдельных территориально-административных образований: Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи². Также исследуются и специальные сферы истории адыгов: социально-экономическая, политическая, культурная, этнографическая³.

Особый интерес у историков вызывает переломный XIX в.⁴ В этот период адыги были одним из самых многочисленных народов Северного

¹ Алексеева Е.П. Материалы к древнейшей и средневековой истории адыгов (черкесов) // Труды Черкесского НИИ. Черкесск, 1954. Вып. 2; Лавров Л.И. Адыги в раннем Средневековье: Адыги и Боспорское царство перед нашествием гуннов // Сб. статей по истории Кабарды. Нальчик, 1955. С. 19-64; Дзамихов К.Ф. Адыги: веки истории. Нальчик, 1994; Он же. Адыги в политике России на Кавказе. Нальчик, 2001; Бетров Р.Ж. Адыги: возникновение и развитие этноса. Нальчик, 1998; Хотко С.Х. Очерки истории черкесов. СПб., 2001; Он же. История Черкесии. СПб., 2001 и др.

² История Кабарды с древнейших времён до наших дней. М., 1957; Очерки истории Адыгеи. В 2 т. Майкоп, 1957, 1981; Адыгея. Историко-культурный очерк. Майкоп, 1989; Нагоев А.Х. Средневековая Кабарда. Нальчик, 2004; Народы Карачаево-Черкесии: история и культура. Черкесск, 1998; Унежев К.Х. История Кабарды и Балкарии. Нальчик, 2005 и др.

³ Джимов Б.М. Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в. Майкоп, 1986; Меретуков М.А. Семья и брак у адыгских народов. Майкоп, 1987; Кажаров В.Х. Адыгская хаса. Из истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии. Нальчик, 1992; Бижев А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис Восточного вопроса в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX века. Майкоп, 1994; Чирг А.Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.). Майкоп, 2002; Максидов А.А. Адыги и народы Причерноморья. Нальчик, 2003 и др.

⁴ Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1967; Он же. О расселении и численности адыгских народов в первой половине XIX в. Майкоп, 1991; Туганов Р.У. История общественной мысли кабардинского народа в первой половине XIX в. Нальчик, 1998; Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. М., 2001 и др.

Кавказа. Одним из центральных событий этого периода является Кавказская война и вхождение Черкесии в состав Российской империи. Кардинальные изменения затронули практически все стороны жизни общества: от социально-экономических отношений до традиционных атрибутов быта.

Но при всем объеме и многообразии исследований по истории адыгов, изучение адыгской историографии находится в стадии становления. В то же время, следует отметить, что положительным явлением стала традиция включения историографических обзоров в монографические работы, написание специальных очерков и статей¹. Учитывая наметившиеся тенденции, вполне закономерным представляется обращение к истокам адыгской историографической традиции. В связи с этим особое значение приобретает комплексный анализ творчества Ш. Ногмова и Хан-Гирея. Условно можно выделить несколько направлений изучения жизни и творчества Ш. Ногмова и Хан-Гирея: биографическое, общественно-политическое, просветительское и философско-социологическое, филологическое, фольклорное, историко-этнографическое.

Первый биографический очерк, посвященный Ш. Ногмову, принадлежит Ад. Берже². Именно в нем были намечены общие контуры проблем, связанных с изучением его биографических данных. В отличие от первого составителя биографии Ш. Ногмова, сообщившего утвердившиеся в научной литературе сведения, первые биографы Хан-Гирея В.П. Бурнашев и П.П. Короленко³, освещая основные этапы его жизненного пути, сообщают противоречивые факты, послужившие поводом к возникновению дискуссий⁴.

¹ Бузаров А.К. и др. Развитие исторической науки в Адыгее (20-е – 30-е гг) [Электрон. ресурс] – Режим доступа: http://www.erudition.ru/referat/printref/id.27382_1.html; Емтыль Р.Х. Проблемы историографии Бзюкской битвы. Майкоп, 1997; Емтыль З.Я. Адыгская интеллигенция. Начало XX века. Становление исторических взглядов. Майкоп, 1999; Пчегатлук С.К. Социальный строй адыгов в первой трети XIX в. (к историографии проблемы) // Информационно-аналитический вестник: История. Этнология. Археология. 2000. Вып. 3. С. 32-41 и др.

² Берже Ад. Краткий биографический очерк Шора-Бекмурзина-Ногмова // Ногмов Ш. История адыгейского народа. Тифлис, 1861.

³ Бурнашев В.П. Из воспоминаний петербургского старожила // Заря. 1871. апрель (№4). С. 36-42; Короленко П.П. Горские поселенцы в Черномории // Известия общества любителей изучения Кубанской области. Вып. 3. Екатеринодар, 1902. С. 73-115.

⁴ См.: Гарданов В.К., Мамбетов Г.Х. Введение // Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 3-41; Они же. Хан-Гирей и его «Записки о Черкесии» // Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1992. С. 3 – 48;

Целенаправленное, систематическое изучение жизни Ш. Ногмова и Хан-Гирея началось в советский период и продолжается до сих пор. В 1944 г., к столетию со дня смерти Ш. Ногмова, был издан сборник статей и проведена научная сессия¹. Через три года усилиями Г.А. Кокиева было подготовлено новое издание исторического труда Ш. Ногмова с введением и комментариями². В 50-х гг. Г.Ф. Турчанинов подготовил и издал два тома филологических трудов Ш. Ногмова³. М.О. Косвен фактически заново открыл для науки Хан-Гирея⁴, а настоящий прорыв произошел, когда В.А. Дьяковым была обнаружена рукопись «Записок о Черкесии»⁵. Активно включаются в этот процесс Т.Х. Кумыков, Г.Х. Мамбетов, В.К. Гарданов, А.Х. Хакуашев, Р.Х. Хашхожева, Р.У. Туганов. В последнее десятилетие значительный вклад в исследование жизни первых адыгских историков внесли А.Д. Вершигора и С.Н. Жемухов.

В отдельную группу можно выделить работы, посвященные исследованию общественно-политических, просветительских и философско-социологических взглядов адыгских историков (Ю.С. Кимов, Б.Х. Цавкилов, И.К. Брантова). Исследование этих вопросов основано не только на анализе произведений Ш. Ногмова и Хан-Гирея, но и их общественной деятельности, направленной на улучшение жизни адыгов и отражающей их общественные позиции.

Значительные успехи достигнуты в филологическом изучении наследия Ш. Ногмова и Хан-Гирея (Г.Ф. Турчанинов, И.В. Тресков, И.И. Мещанинов, И.Н. Хаткова). Ученые исследовали сюжеты, образы, художественные приемы, использованные авторами, влияние на них русского романтизма и их вклад в становление национальной адыгской литературы.

Хашхожева Р.Х. Некоторые спорные и неизвестные страницы биографии Хан-Гирея // Хашхожева Р.Х. Поиски и находки. Избранные статьи. Нальчик, 2000. С.350-355.

¹ Шора Ногмов (1801 – 1944): Сборник документаций и статей к столетию со дня смерти. Нальчик, 1944.

² Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1947.

³ Ногма Ш.Б. Филологические труды. Нальчик, 1956. Т. 1., 1959. Т. 2.

⁴ Косвен М.О. Материалы по истории и этнографии Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. Вып. 2. М., 1958. С. 208-211; Он же. Адыгейский историк и этнограф Хан-Гирей // Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 184-208.

⁵ Дьяков В.А. «Записки о Черкесии», сочиненные Хан-Гиреем // История СССР. 1958. №5. С. 173-178.

Самостоятельным направлением изучения стала проблема фольклора в творчестве Ш. Ногмова и Хан-Гирея, исследуемая фольклористами и филологами (Л.И. Лавров, А.Т. Шортанов, М.Ш. Шакова). Учитывая, что главным источником «Истории адыгейского народа» является фольклор, в отношении Ш. Ногмова последний аспект проблемы был и остается наиболее спорным. Некоторые исследователи обвиняют Ш. Ногмова в произвольной интерпретации фольклора, некорректном переводе на русский язык и приписывании адыгскому фольклору сюжетов, в нем не существующих.

Историко-этнографическая составляющая творчества Хан-Гирея и Ш. Ногмова так же получила освещение в научной литературе. Выявлены и проанализированы сведения, имеющиеся в их произведениях об историческом пути адыгского народа, межнациональных контактах, социальной структуре общества, материальной и духовной культуре, национальных традициях, семейном быте (М.О. Косвен, М.Б. Нагоев, М.Н. Губжоков). Проблема источниковой базы их работ затрагивалась в различных аспектах, но цельного освещения не получила. Наиболее разработанным является вопрос о влиянии Н.М. Карамзина на творчество Ш. Ногмова (П.Г. Бутков, А.Г. Кешев, Б.А. Гарданов, Б.М. Боук).

В изучении творчества Ш. Ногмова и Хан-Гирея достигнуто многое, но их научная деятельность столь многогранна и значима, что оставляет еще обширное поле для исследовательских усилий. Назрела необходимость в осуществлении системного анализа трудов Ш. Ногмова и Хан-Гирея для выявления их историографической значимости. Подобное исследование позволит синтезировать все имеющиеся наработки по проблеме, а также проследить становление исторического знания у адыгов как показателя уровня самосознания народа.

Объектом исследования является адыгская историография как одно из направлений развития исторического знания, способствующее расширению понимания вариативности историографического процесса.

Предметом исследования является историческое творчество Ш. Ногмова и Хан-Гирея как начальный этап изучения истории адыгов, порожденный процессом их консолидации и активизации самосознания.

Хронологические границы диссертационного исследования охватывают первую половину XIX в., время, в которое адыгский этнос переживал переломный момент своего развития, выразившийся, кроме внутренних социальных изменений, в процессе вхождения в новую культурную среду. Именно в этой среде происходило формирование мировоззрения первых адыгских историков, осуществлялась их научная деятельность. В то же время, исходя из характера исследования, с целью выявления уровня исторического знания об адыгах к моменту создания Ш. Ногмовым и Хан-Гиреем своих произведений, вводится параграф, освещающий процесс накопления знаний о Северо-Западном Кавказе с античных времен до XIX в.

Территориальные рамки исследования охватывают Северо-Западный Кавказ, населенный в первой половине XIX в. адыгами и включавший два образования: Черкессию и Кабарду.

Целью диссертационной работы является проведение историографического анализа творчества Ш. Ногмова и Хан-Гирея для выявления его значимости и влияния на современное состояние исторических знаний об адыгах.

Для реализации этой цели были поставлены следующие задачи:

- проанализировать культурно-историческую среду первой половины XIX в. на предмет выявления в адыгском обществе элементов исторического сознания, возникновения потребности в исторических сочинениях и возможностей реализовать эту потребность;
- выявить этапы накопления знаний об адыгах в историографии, дав характеристику качественным и количественным изменениям в развитии этого процесса;

- оценить исследовательские возможности Ш. Ногмова и Хан-Гирея, проанализировав основные обстоятельства их жизни, повлиявшие на формирование научного и культурного мировоззрения;

- выявить круг исследуемых проблем, определить их новизну и значимость для своего времени, а также уровень использования подходов и идей авторов первых произведений по истории адыгов в современной историографии;

- проанализировать степень осмысления адыгскими историками проблемы достоверности источников, критического отношения к ним, выявить источниковую базу работ и результативность методов обработки источников;

- рассмотреть аспекты теоретико-методологического осмысления Ш. Ногмовым и Хан-Гиреем адыгской истории.

Источниковая база исследования представлена историографическими и историческими источниками. Особо следует выделить труды Ш. Ногмова и Хан-Гирея, впервые рассматривающиеся как историографический источник, отразивший начальный этап развития адыгской историографии¹. В них получил освещение широкий круг проблем, как традиционных, так и новых. Для решения поставленных задач Ш. Ногмовым и Хан-Гиреем были привлечены исторические и историографические источники. Кроме этого, были осмыслены некоторые проблемы теоретико-методологического значения: характер развития адыгского общества, движущие силы истории, понятия и термины, ориентированные на национальную историю.

Также в качестве историографических источников были использованы работы авторов разных периодов, начиная с античности до наших дней, содержащие сведения об адыгах и их предках: область расселения, природно-климатические условия, хозяйственная деятельность, отдельные факты

---

¹ Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1994; Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978; Он же. Черкесские предания // Шаги к рассвету. Адыгские писатели-просветители XIX века: Избранные произведения. Краснодар, 1986. С. 22-90; Он же. Наезд Кунчука // Шаги к рассвету. Адыгские писатели-просветители XIX века: Избранные произведения. Краснодар, 1986. С. 91- 98; Он же. Князь Канбулат // Шаги к рассвету. Адыгские писатели-просветители XIX века: Избранные произведения. Краснодар, 1986. С. 99-106; Он же. Бесльный Абат // Шаги к рассвету. Адыгские писатели-просветители XIX века: Избранные произведения. Краснодар, 1986. С. 107-164; Он же. Князь Пшьской Аходягоко // Шаги к рассвету. Адыгские писатели-просветители XIX века: Избранные произведения. Краснодар, 1986. С. 165-198.

политической и военной истории, социальный строй, религиозные и этнографические данные¹. Анализ этих трудов позволил сделать выводы о развитии традиции изучения Северо-Западного Кавказа, о состоянии изученности отдельных вопросов по истории адыгов к моменту написания Ш. Ногмовым и Хан-Гиреем своих произведений, о степени влияния их работ на современную адыгскую историографию.

В ходе осуществления историографического анализа возникла потребность в привлечении отдельных исторических источников, использование которых позволило повысить уровень критического анализа работ Ш. Ногмова и Хан-Гирея. В отдельную группу необходимо выделить законодательные акты, извлеченные из Полного собрания законов Российской империи и позволяющие проследить политику России на Северо-Западном Кавказе по формированию групп-трансляторов культуры и т.п.²

Также были привлечены источники личного происхождения. Этот вид источников являясь наиболее субъективным, требует особых исследовательских приёмов и тщательного сопоставления с другими источниками. В диссертационной работе использованы путевые заметки, воспоминания и письма русских и иностранных авторов, в которых описаны их

¹ Античные источники о Северном Кавказе. Нальчик, 1990; ал-Масуди. Россыпи золота и рудники драгоценных камней // Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963. С. 206-207; Багрянородный К. Об управлении империей. М., 1989. С. 41, 175-176; Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. В. 22. Тифлис, 1897. С. 25-26, 53-54, 56, 63; Полное собрание русских летописей. Т.1. Л., 1962. С. 65, 146-147; Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв. Нальчик, 1974; Потёмкин П. Краткое описание о кабардинских народах, сделанное в 1784-м // Сборник статей по истории Кабарды. В. 5. Нальчик, 1956. С. 140-151; Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Извлечение по Центральному и Северо-Западному Кавказу. Нальчик, 1999; Зубов П.А. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, финансовом и торговом отношениях. Ч. 3 // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Т. 2. Нальчик, 2001. С. 11-59; Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1967; Кажаров В.Х. Адыгская хаса. Из истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии. Нальчик, 1992; Максидов А.А. Адыги и народы Причерноморья. Нальчик, 2003 и др.

² Трактат, между Российским и Турецким двором, заключенный в лагере при Белграде. 18 сентября 1739 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т.Х. 1737-1739. № 7900. Артикул 6. С. 901; О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении Архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляя все сие светским начальствам. 17 июня 1773 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. XIX. 1770-1774. № 13996. С.775-776; Грамота кабардинским владельцам и всему народу. – О подтверждении их прежних прав и преимуществ. 20 января 1812 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXII. 1812-1815. № 24959. С.16; Именной, объявленный Главнокомандующему действующей армией Военным Министром. – О комплектовании людьми Лейб-Гвардии Кавказско-Горского полусакадрона. 6 октября 1837 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. XII. Отделение первое. 1837. № 10570. С. 766.

встречи с Ш. Ногмовым и Хан-Гиреем¹. Это единственный вид источников, позволивший увидеть адыгских историков в неформальной обстановке глазами современников. Содержащиеся в них сведения особенно ценны для прояснения круга общения Ш. Ногмова и Хан-Гирея, их мировоззрения и научных интересов.

Особую категорию составляют фольклорные источники. Их важность обуславливается тем, что письменные свидетельства отражают, в основном, взгляд на адыгов и представления о них носителей иных культур и только фольклор передает видение событий адыгами. В этом смысле уникальным является адыгский героический эпос «Нарты». Адыгские народные песни и прозаические тексты насыщены конкретными историческими материалами, передающими названия места действия, имена участников описываемых событий и множество разнообразных деталей. Помимо данного аспекта использования фольклора, при работе над темой возникла необходимость его анализа для реконструкции ментальных особенностей адыгов; выявления степени развития исторического сознания в обществе, то есть представлений о времени, пространстве, родной земле, этнической общности; уровня накопления конкретных исторических знаний². Кроме этого, анализ фольклора и его функций позволил сделать выводы о значимости исторических знаний в жизни адыгского общества.

В целом комплекс использованных источников позволил решить поставленные в диссертации задачи.

Методологическую основу диссертационного исследования определили принципы историзма, объективности и системного анализа.

Общенаучный принцип историзма позволил исследовать процесс зарождения и накопления исторических знаний о Северо-Западном Кавказе в

¹ Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв. Нальчик, 1974. С. 458-530; Бесс Ж-Ш. де. Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и в Константинополь в 1829 и 1830 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв. Нальчик, 1974. С.337-338; Бурнашев, В.П. Из воспоминаний петербургского старожила // Заря. 1871. апрель (№ 4). С. 36 – 42; Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого // Исторический вестник. СПб., 1887. Т.30. №11. С.330-331; Нечаев С.Д. Отрывки из путевых записок о Юго-Восточной России // Московский телеграф. 1826. № 1, январь. Ч. 7 и др.

² Нарты. Адыгский героический эпос. М., 1974; Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик, 2005.

хронологической последовательности, соблюдая преемственность смены этапов его развития; рассмотреть исследуемые историографические факты вписанными в конкретную историческую среду.

Принцип объективности предполагает непредвзятый анализ всех исследуемых аспектов. В данной работе он ориентирован на всестороннее исследование исторической среды, повлиявшей на создание исследуемых историографических фактов, включая национальные особенности; анализ объективных факторов формирования личностей Ш. Ногмова и Хан-Гирея, предпосылок и условий создания ими исторических трудов; уровень использования источников и выработки концептуальных параметров. Однако следует учитывать, что при историографическом анализе весьма сложно полностью избежать субъективности, в связи с тем, что происходит «напластование» нескольких уровней субъективности: источников, автора, исследуемого труда и исследователя.

В диссертационном исследовании использовался принцип **системного анализа (подхода)** позволивший, во-первых, рассматривать российскую историографию как систему, а историографию адыгов как её структурную часть; во-вторых, в качестве системы анализировать творчество первых адыгских историков во всей совокупности его составляющих частей, то есть научные и мировоззренческие установки, условия создания произведений, содержание, форму изложения, публикации.

В ходе исследования применялись специально-исторические **методы**: метод конкретного анализа, проблемно-хронологический, метод периодизации, историко-сравнительный, ретроспективный.

Метод конкретного анализа был применен для интерпретации текстов Ш. Ногмова и Хан-Гирея с учетом условий их возникновения, что позволило сделать выводы о логике организации материала, характере использованных источников и выявить круг изучаемых проблем.

Проблемно-хронологический метод дал возможность расчленить исследуемую проблему на составные части и каждую из проблем рассмотреть в хронологической последовательности.

Метод периодизации был применен при исследовании процесса накопления исторических знаний об адыгах и позволил выделить в нем этапы, имеющие свои отличительные особенности, выразившиеся в количестве дошедших до нас источников, а также в таких качественных показателях, как профессионализм авторов, проблематика сочинений, их источниковая база.

Историко-сравнительный метод позволил провести сравнительный анализ качественных изменений в процессе накопления исторических знаний об адыгах на различных этапах; условий формирования мировоззрения и научных представлений Ш. Ногмова и Хан-Гирея; сопоставить источниковую базу, проблематику их произведений, основные параметры исторической концепции.

Учитывая, что исследование основано на достижениях современной историографии, большое значение имеет **ретроспективный метод**, дающий возможность, изучив элементы старого, сохранившегося в наши дни, использовать эти знания для выявления их состояния в прошлом. Обязательным условием при этом стало требование не переносить современные оценки на работы прошлого.

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые предпринята попытка анализа творческого наследия первых адыгских ученых, Ш. Ногмова и Хан-Гирея, с историографических позиций, позволяющая исследовать один из вариантов становления и развития исторического знания в сложных условиях северокавказского региона, при этом особенно значимым является то, что исследование жизни и творчества адыгских историков впервые осуществлено с применением историко-сравнительного метода. Кроме этого, изучение целостного процесса накопления исторических знаний об адыгах с античности до середины XIX в. позволило создать периодизацию и охарактеризовать каждый из ее этапов. Анализ культурно-исторических

условий дал возможность выявить факторы, способствовавшие усилению интереса к историческим знаниям и появлению исторических сочинений в среде адыгов.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Активизация национального самосознания адыгов, установление контактов с письменными культурами Ближнего Востока и России выявило назревшую необходимость в исторических работах, стало импульсом, вызвавшим их создание. Учитывая эти обстоятельства, можно утверждать, что появление первых письменных работ по истории адыгов в среде самих адыгов стало объективной реальностью развития адыгского общества;

2. Адыги обладали богатой устной традицией, формирующей глубинные пласты исторической памяти, отражающей ментальность народа: фольклор во многом стал базой, основой зарождающейся адыгской историографии, выступая не только в качестве источника, но определяя основные исторические образы и представления;

3. В процессе формирования исторического знания об адыгах, начиная с античности до середины XIX в., можно выделить этапы, различающиеся типологическими характеристиками (личность автора, виды сочинений, круг исследуемых проблем, использованные источники): античность и средневековье, XVI – XVII вв., XVIII - середина XIX в. Каждый из них был значим, имел свои результаты, но наиболее продуктивным оказался третий этап, в рамках которого осуществлялось официальное и неофициальное изучение адыгов;

4. Произведения Ш. Ногмова и Хан-Гирея по своей направленности и структуре относятся к историческим сочинениям, так как имеют историческую проблематику, основываются на исторических источниках, содержат элементы исторической концепции (осмысление исторического времени и пространства, движущих сил истории, понятийного аппарата);

5. Творчество Ш. Ногмова и Хан-Гирея может быть рассмотрено как принципиально значимый шаг в изучении истории адыгов, так как их работы

стали первым опытом системного исследования адыгского общества и заложили основы адыгской историографии;

6. Закрепление исследовательского опыта Ш. Ногмова и Хан-Гирея в различных областях знаний (истории, этнографии, филологии, фольклористики) свидетельствует о бесспорной значимости их работ для современных исследований проблем адыгской и российской истории.

Практическая значимость работы определяется тем, что материалы диссертационного исследования могут быть включены в общие работы и монографии по истории и историографии Северо-Западного Кавказа, а так же в лекции и спецкурсы по истории культуры и науки Северо-Западного Кавказа.

Апробация работы. Основные положения диссертации обсуждались на кафедре Отечественной истории Адыгейского государственного университета, освещались в сообщениях на научных конференциях молодых ученых АГУ (в 2004 – 2005 гг.), на Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Перспектива – 2004», нашли отражение в опубликованных статьях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих 7 параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы.

Основное содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность темы, рассматриваются историография, источниковая база и методология исследования, определяются ее территориальные и хронологические рамки, формулируются объект и предмет, цели и задачи, научная новизна, аргументируются практическое и теоретическое значение работы, основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава **«Культурно-историческая среда и ее влияние на развитие исторической мысли у адыгов»** состоит из двух параграфов. В первом параграфе **«Условия создания первых исторических произведений адыгов»** исследуются вопросы: была ли в адыгском обществе первой половины

XIX в. потребность в историческом знании, чем было обусловлено его зарождение, на какие национальные традиции могла опираться адыгская историография.

Используя фольклор как основной источник, удалось проанализировать культурно-историческую среду адыгов и, в итоге, выявить устоявшуюся традицию накопления, сохранения и передачи исторической информации. Важным звеном в этой традиции были джегуако - знатоки, исполнители и сочинители исторических песен и преданий. В диссертации показано насколько важную роль в жизни общества играл фольклор. Именно в нем нашли первоначальное отражение все основополагающие понятия, оформившие своеобразное мировидение адыгов и плавно перешедшие в адыгскую литературу и раннюю историографию. Автором была предпринята попытка проанализировать фольклор на предмет выявления в нем элементов, свидетельствующих о зарождении исторического сознания в обществе. В качестве таковых были выделены представления о времени и пространстве, понятие «родины», «своей земли», основные проявления конфликтности (борьба с внешними врагами, социальные конфликты, междоусобная борьба).

В диссертации также анализируются другие источники, имевшие влияние на духовное развитие адыгского общества в первой половине XIX в. и действовавшие параллельно и даже соревновательно. Имеются в виду, так называемый, восточный культурный канал и европейский, или, скорее, российский, представленные, в первую очередь, Турцией и Россией. В контексте рассматриваемой проблемы внимание акцентировалось на влиянии этих каналов на процесс формирования образованной прослойки в адыгской среде. Каждая из сторон пыталась создать группы-трансляторы культуры, которые должны были стать проводниками их политики. Было выделено три основные сферы формирования групп-трансляторов: образование, государственная служба, деловые и личные контакты. «Побочным эффектом» этой политики стала интенсификация духовной жизни группы адыгов, использовавших свои знания не только для политической деятельности в

пользу одной из держав, но и для осмысления духовных потребностей своего народа.

Как известно, одним из важных аспектов пробуждения исторического самосознания общества является процесс этнической консолидации. В связи с этим в работе определенное внимание отводится Кавказской войне как экстремальному фактору, способствовавшему сплочению народа, осознанию им своего единства, исторической общности. В диссертации подчеркивается, что адыгское общество приобрело подвижный, динамичный характер, обусловленный разновекторными процессами: с одной стороны, это наметившаяся тенденция к консолидации народа на основе этнической общности, с другой – усиление социального напряжения, связанное с углублением феодальных отношений. История при этом стала инструментом этнокультурной самоидентификации народа.

Проведенный анализ позволил выявить, что адыги обладали богатым фольклором, в котором получили развитие элементы исторического сознания. Переход от устной фиксации исторических знаний к письменной произошел благодаря появлению образованной прослойки в адыгском обществе, ставшей результатом политики России и Турции по созданию групп-трансляторов культуры. В то же время процесс этнической консолидации адыгов, ускоренный Кавказской войной, сопровождался активизацией исторического самосознания народа и, как следствие, повышением интереса к собственной истории.

Во втором параграфе **«Зарождение традиции изучения истории адыгов»** прослеживается опыт накопления знаний об адыгах с античности до первой половины XIX в. Автором подчеркивается, что первые зафиксированные сведения принадлежат инонациональной среде, это, так называемый, взгляд «извне». Это характерная черта развития исторического знания, сохранявшаяся в указанный период и обусловившая особенности источниковой базы адыгской историографии, представленной трудами иностранных авторов.

В данной работе рассматривается первый период историографии адыгов, в котором происходит зарождение исторического знания. Особое место в исследовательском процессе заняло создание периодизации, при выработке которой учитывались следующие параметры, отражающие изменения в характере исторического знания: личность автора, типология сочинений, использованные источники, круг исследуемых проблем. Исходя из этого, период был разделен на три этапа. Первый этап охватывает время античности и средневековья и характеризуется появлением исторического интереса к данной территории. Второй этап хронологически вписывается в рамки XVI – XVII вв. и выделен как переходный: в это время начинается создание источниковой базы адыгской историографии. Третий этап соответственно охватывает XVIII – первую половину XIX вв., он охарактеризован как время зарождения научного исторического знания на Северо-Западном Кавказе. Творчество Ш. Ногмова и Хан-Гирея осмысливается как «рубежное», завершающее третий этап и открывающее новый период развития профессиональной историографии.

Анализ историографических источников показал, что наибольшие результаты были достигнуты на третьем этапе. Втягивание Черкесии и Кабарды в орбиту мировой политики в этот период детерминировало повышение исследовательского интереса к региону и активизировало процесс накопления знаний об адыгах. В диссертации выделяется два направления, в которых развивался этот процесс: официальное (правительственный заказ и академические экспедиции) и неофициальное (деятельность любителей-энтузиастов). Отличительными особенностями этого периода стало появление среди исследователей профессиональных ученых и значительного количества военных, а также расширение проблематики и источниковой базы исследований.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что существовала традиция изучения истории адыгов. Это выражалось в преемственности знаний и наличии разных видов описаний. Анализ историографических источников позволил создать периодизацию процесса накопления знаний об адыгах,

включающую три этапа, каждый из которых был значим и имел свои особенности. Наибольшие результаты были достигнуты на третьем этапе, внутри которого удалось выделить два направления развития: официальное и неофициальное. Но, несмотря на приобретение определенного количества знаний об адыгах, за указанный период не было создано систематического исторического исследования.

Вторая глава **«Создание трудов по адыгской истории Ш. Ногмовым и Хан-Гиреем»** состоит из двух параграфов. В первом параграфе **«Факты биографии: влияние на формирование исследовательских возможностей»** был проведен сравнительный анализ двух уровней: во-первых, непосредственно биографий двух ученых; во-вторых, разных подходов к этому вопросу исследователей их творчества. Биографии сравнивались по следующим параметрам: возраст, происхождение, образование, сферы деятельности, карьерные достижения, круг общения, научный опыт. Особое внимание было уделено спорным моментам биографий Ш. Ногмова и Хан-Гирея. Это, в первую очередь, проблема образования Хан-Гирея и отношение к религии Ш. Ногмова.

Анализ источников позволил сделать вывод, что Ш. Ногмов и Хан-Гирей не имели специального систематического образования, но интенсивно занимались самообразованием, что позволило им освоить несколько языков и познакомиться с восточной и европейской историей и литературой. Ш. Ногмов в отличие от Хан-Гирея в течение жизни попробовал себя в разных качествах: успел побывать и духовным лицом, и преподавателем, и военным, и работником суда. Хан-Гирей же был профессиональным военным и до конца жизни числился в составе Кавказско-горского полуэскадрона. Он сделал блестящую карьеру, дослужившись до звания полковника, должности флигель-адъютанта Его Императорского Величества и командира Кавказско-горского полуэскадрона.

Большое внимание в работе уделено выявлению круга общения Ш. Ногмова и Хан-Гирея, особенно их контактам с учеными. Достоверно можно говорить о знакомстве Ш. Ногмова с Ж.-Ш. де Бессом, Ф. Шармуа,

А.М. Шёгреном, А. Нордманом, Д.С. Кодзоковым и Хан-Гирея с Н.И. Гречем, В.П. Бурнашевым, Н.А. Полевым. Следует отметить, что к моменту написания исторических произведений у Ш. Ногмова была практика научной разработки адыгской грамматики и переводов на русский и адыгский языки, а у Хан-Гирея опыт составления алфавита.

Итак, проведенный анализ свидетельствует, что Хан-Гирей и Ш. Ногмов не имея специального образования, постоянно занимались самообразованием, разнообразной общественной и профессиональной деятельностью. Широкий круг общения, значительно расширял кругозор и познания адыгских просветителей. Знание восточных и русского языков позволяло им обращаться к оригинальной литературе. Как Хан-Гирей, так и Ш. Ногмов обладали необходимыми для своего времени знаниями, обусловившими научный уровень предпринятых исследований.

Во втором параграфе **«История написания и публикации работ»**, в первую очередь, речь идет о выявлении тех обстоятельств, которые могли влиять на полноту и достоверность сведений, на оценочные суждения, включенные авторами в произведения. Процессу написания предшествовала серьезная подготовительная работа по сбору и обработке источников. Сравнительный анализ показал, что цели и адресаты у Ш. Ногмова и Хан-Гирея были разные. Если Ш. Ногмов надеялся, что его труд будет прочитан соотечественниками, им двигали идеи просветительства, то Хан-Гирей ориентировался в лице своего начальства на русскоязычную аудиторию. Можно сказать, что Ш. Ногмов писал на перспективу, а Хан-Гирей на насущную потребность.

Как и в предыдущем параграфе, особое внимание было уделено спорным вопросам: наличию у Хан-Гирея отдельной рукописи «Адыги (черкесы) и все близкие с ними племена» и правомерности использования заглавия «История адыгейского народа», учитывая, что сохранившаяся копия называется «Предания черкесского народа». Приведенные в диссертации доводы позволяют сделать вывод о том, что самостоятельной работы «Адыги

(черкесы) и все близкие с ними племена» не существует, под этим трудом подразумеваются «Записки о Черкесии». По второму вопросу убедительным представляется мнение, что оба названия имеют право на существование, по принципу двух названий грамматических трудов Ш. Ногмова: «Начальные правила Атыхейской грамматики» и «Начальные правила Кабардинской грамматики».

В данном параграфе был проведен анализ структур произведений Ш. Ногмова и Хан-Гирея и способов изложения материала. Был сделан вывод, что все рассмотренные произведения имеют проблемный принцип изложения, позволивший авторам выделить ключевые моменты истории адыгов. Кроме этого, была прослежена история публикаций и введения в научный оборот их работ. Неоднократные переиздания свидетельствуют о неослабевающем интересе к творчеству первых адыгских историков.

Третья глава **«Историографическое значение работ Ш. Ногмова и Хан-Гирея»** состоит из трех параграфов. В первом параграфе **«Характеристика исследовательских проблем»** были предприняты усилия для поиска ответов на следующие вопросы: являются ли поднятые авторами проблемы типичными для исследований их времени или это новое направление изучения прошлого, почему именно эти вопросы были ими поставлены, опытом кого из предшественников они воспользовались и почему проигнорировали мнения других, что нового сумели внести в разработку проблем.

В диссертации были выделены две сквозные проблемы, характерные для ранней адыгской историографии. Первая из них - проблема самопознания народа, поиск ответа на вопросы «Кто такие адыги?», «Что они из себя представляют?». Вторая – это проблема «вписанности» в мировую историю, связи адыгов с другими народами. Эти проблемы взаимосвязаны, переплетаются между собой. Для их решения исследователями ставились и, в меру возможностей, изучались вопросы места обитания народа и его этногенеза, социальной структуры и общественного строя, военной и политической истории, религии, обычаев и повседневной жизни.

Сравнительный анализ работ Ш. Ногмова и Хан-Гирея с трудами их предшественников позволил сделать вывод, что круг проблем, затронутых первыми адыгскими историками, представляет собой симбиоз уже рассматривавшихся в научной литературе отрывочных сведений (среда обитания, этногенез, социальная структура общества, религия) и поднятых ими впервые (исчисление времени, меры и способы определять количество вещей, понятие об астрономии и метеорологии, выбор имени для новорожденного, врачебное искусство, содержание раненого, общепринятые условные знаки вежливости и приличия, суеверия).

Следует подчеркнуть, что большинство поставленных вопросов находятся «на стыке» истории и этнографии. При этом в «Истории адыгейского народа», в первую очередь, получили освещение вопросы внутривнутриполитического развития адыгов и международных связей. Хан-Гирей больше уделял внимание среде обитания и образу жизни. Во многих случаях адыгские историки дополнили сведения своих предшественников, углубили понимание проблем, предложили новые трактовки. Высказанные ими идеи закрепились в историографии и получили дальнейшее развитие.

Во втором параграфе **«Источники и методы их обработки»** была исследована источниковая база творчества Ш. Ногмова и Хан-Гирея. Был проведен сопоставительный анализ и градация источников. Анализ текстов показал, что оба автора осознавали важность источников и необходимость привлечения разных видов источников, предпринимали попытки их научного анализа. Ш. Ногмов приводит собственную классификацию источников, существующих у адыгского народа. Именно она определила последовательность рассмотрения в диссертации видовой принадлежности источников, но по мере необходимости эта классификация расширялась и дополнялась.

Было выявлено, что в трудах первых адыгских историков по объективным причинам преобладают устные источники, при этом у Ш. Ногмова превалирующим является фольклор, а у Хан-Гирея - свидетельства

очевидцев и собственные наблюдения. Анализ текстов показал, что, описывая исторические факты, Хан-Гирей прибегает к данным фольклора только в том случае, если не было возможности получить информацию из другого источника, или если данные фольклора можно проверить. У Ш. Ногмова другой подход. Он воспринимал фольклор «в плане непосредственного следования... по стопам истории»¹. В его понимании фольклорный материал несет в себе конкретные фактологические данные, и он считал возможным на его основе воссоздать историю адыгов. Если Хан-Гирей стремился проверять фольклорные сведения другими источниками, то Ш. Ногмов указывал на взаимопроверяемость фольклорных источников разных жанров.

Вслед за фольклорными в классификации Ш. Ногмова указан такой источник как «древние наименования урочищ»². В диссертации эта формулировка была расширена, и обозначена как топографические источники. Следующий вид источников у Ш. Ногмова назван «памятники зодчества и ваяния», он так же был расширен и включен в понятие «вещественные источники». Это было продиктовано тем, что в работах адыгских историков кроме указанных Ш. Ногмовым в классификации памятников зодчества и ваяния было обнаружено использование и других вещественных источников. Завершают классификацию письменные источники, представленные жалованными грамотами и собранием посольских дел.

Значительную роль играли историографические источники. Анализ текстов показал, что оба адыгских историка были знакомы с трудом Н.М. Карамзина и использовали его. Из региональных историографических источников у Хан-Гирея и Ш. Ногмова только один общий – это работа И. Дебу. Для Хан-Гирея наиболее значимым историографическим источником была работа С. Броневского. Так же он апеллирует к работам П. Зубова, С. Богуш-Сестренцевича, А.И. Левшина. Если Хан-Гирей ссылается в основном на современные ему историографические источники, то Ш. Ногмов, помимо

¹ Шортанов А.Т. Ногмов как фольклорист и историк // Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX - начале XX в. Материалы конференции 28 – 29 марта 1974 г. Нальчик, 1976. С. 64.

² Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1994. С. 55.

Н.М. Карамзина и И. Дебу, в основном обращается к древним и средневековым источникам: греческим и грузинским авторам, восточным произведения на арабском и турецком языках, среди них «Дербент-Наме», «Родословная книга» Джаифара, «История посланников и царей» Табари.

На основе анализа источниковой базы работ Ш. Ногмова и Хан-Гирея можно сделать вывод, что авторами были привлечены как историографические, так и исторические источники. Но в то же время, следует отметить, что источниковая база их произведений по объективным причинам носит ограниченный характер. Удалось выявить некоторые отличия в использовании ими источников, что связано с разными целями исследований и характером поставленных проблем. Важным является также тот факт, что традиция использования большинства источников, привлеченных адыгскими историками, утвердилась в историографии.

Третий параграф **«Проблемы теоретико-методологического значения»** посвящен выяснению вопроса о теоретическом уровне осмысления Ш. Ногмовым и Хан-Гиреем истории адыгов, способах понимания, трактовки изучаемых явлений и процессов, т.е. формированию составляющих научной концепции. Это выражается в уровне осмысленности основных характеристик исторического процесса, к которым были отнесены: историческое время, историческое пространство, движущие силы истории и направление их движения.

Было выяснено, что понимание значимости исторического времени было характерно как для Ш. Ногмова, так и для Хан-Гирея. Осознание движения исторического времени проявилось в стремлении периодизировать историю. Разработанная Ш. Ногмовым периодизация, основанная на фольклорных источниках, вполне правомерно имеет относительную хронологию, опирающуюся не на даты, а на историческое содержание периода. В основе исторической концепции также лежат представления о пространстве, занимаемом адыгами. Сравнительный анализ текстов Хан-Гирей и Ш. Ногмова позволил выявить совпадение географических пределов в их произведениях.

Они оба выходят за рамки современной им Черкесии и охватывают территорию от Черного и Азовского морей до Каспийского моря. Но, несмотря на совпадение географических пределов, пространственное поле их исследований не совпадает, оно только пересекается или совпадает частично. Это связано с тем, что, как было выяснено, хронологические рамки «Записок о Черкесии» шире хронологических рамок «Истории адыгейского народа», поэтому пространственное поле исследования этих работ идентично только в области совпадения хронологии.

Признавая процесс поступательного развития, первые адыгские ученые по-разному подходили к определению движущих сил истории. Ш. Ногмов считал движущей силой истории князей, а народ рассматривал лишь как инертную массу, которая при хороших князьях благоденствует, а при плохих – деградирует. Хан-Гирей же связывал динамизм общественных процессов с постоянной социальной изменчивостью простого народа.

Кроме способов осмысления основных характеристик исторического процесса адыгскими историками, в работе были рассмотрены аспекты, характеризующие их профессиональный уровень. Это способность выявления причинно-следственных связей, уровень использования ими понятийно-терминологического и методологического аппарата. Анализ текста показал, что Ш. Ногмов зачастую ограничивается констатацией фактов, что в полной мере отражает начальный этап развития исторического знания, времени, когда история была преимущественно событийной и писалась в форме рассказа. Этот этап традиционно определяется как «нарративное написание истории». В отличие от него, Хан-Гирей уделяет значительное внимание анализу причинно-следственных связей.

Приведенные в диссертации факты наглядно свидетельствуют, что понятийный аппарат в работах Ш. Ногмова и Хан-Гирея еще не приобрел четких смысловых границ, зачастую использовались неоднозначные по смыслу термины, синонимы, это свидетельствует о том, что поднятые вопросы находились в стадии разработки и требовали уточнения основных определений.

В то же время, по сравнению с предшественниками, Ш. Ногмов и Хан-Гирей внесли ясность в использование некоторых терминов, особенно национальных. Анализ текстов позволил выявить использование ими общенаучных и специально-исторических методов. К первой категории можно отнести: наблюдение, беседу, исторический и сравнительный методы, аналогию. Под вторую категорию попадают: ретроспективный метод, метод конкретного анализа, проблемный метод, метод периодизации.

Проведенный анализ работ Ш. Ногмова и Хан-Гирея с точки зрения теоретико-методологического уровня свидетельствует об их адекватности начальному этапу становления исторической науки. Намечены только общие контуры концепции. В наибольшей степени можно считать освоенной пространственную категорию, в то время как представление об историческом времени носит условный характер. Труды Ш. Ногмова и Хан-Гирея являются первыми попытками дать целостное представления об адыгах. Этнос рассматривается вписанным в конкретные географические и временные рамки, ставится вопрос о его происхождении и развитии, связях с окружающими народами, системе жизнедеятельности. Конечно, решая эти проблемы, первые адыгские историки не избежали противоречий, неверных трактовок и ошибочных суждений, но ценным является сам факт обращения к этим вопросам и рассмотрения их во взаимосвязи.

В **заключении** диссертации сформулированы основные итоги исследования. Обращение к культурно-исторической среде, в которой появились труды Ш. Ногмова и Хан-Гирея, позволило сделать вывод, что в первой половине XIX в. сложились обстоятельства, предопределившие появление первых исторических произведений в среде адыгов: в условиях усиления этнического самосознания и консолидации обострилась потребность в исторических знаниях, контакты с письменными культурами России и Ближнего Востока привели к появлению образованной прослойки, в то же время политика России и внутреннее развитие российской науки требовали всестороннего изучения Северо-Западного Кавказа.

Ш. Ногмов и Хан-Гирей – люди, имевшие как общие черты в своем развитии, так и особенные, в один период пришли к идее написания исторического сочинения. В их творчестве освещается широкий круг исследовательских проблем, начиная от географического фактора и его влияния на образ жизни адыгов до отношений с соседними государствами. При этом уже намечается органическая связь поставленных проблем, логика их рассмотрения. Историографическое значение работ Ш. Ногмова и Хан-Гирея трудно переоценить. Это первый опыт комплексного анализа адыгского общества и истории, заложивший основы адыгской историографии. Кроме этого, с полным правом Ш. Ногмов и Хан-Гирей считаются основоположниками адыгской литературы, этнографии, фольклористики. Данные их трудов по-прежнему вызывают интерес и активно используются в современных исследованиях.

Основные положения и выводы диссертации изложены в следующих публикациях:

1. Хан-Гирей «Записки о Черкесии»: источниковая база // Диалоги с прошлым: Истор. журнал. Майкоп, 2002. № 2. (0,4 п.л.)
2. Шора Ногмов: становление исторической проблематики // Материалы научной конференции молодых ученых и аспирантов «Наука-2002». Майкоп, 2002. (0.1 п.л.)
3. Адыгская историография XIX в.: осмысление географического фактора в истории // Вопросы теории и методологии истории. Вып. 4. Майкоп, 2003. (0,4 п.л.)
4. Становление исторического знания на Северо-Западном Кавказе (первая половина XIX в.) // Материалы научной конференции молодых ученых «Наука, образование, молодежь». Майкоп, 2004. Т.1. (0,15 п.л.)
5. Мифопоэтическое творчество адыгов: историографический аспект // Перспектива – 2004: Материалы Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Т. II. Нальчик, 2004. (0,1 п.л.)

6. Хан-Гирей: спорные вопросы биографии // Наука – 2004. Ежегодный сборник научных статей молодых ученых и аспирантов АГУ. Майкоп, 2004. (0,2 п.л.)
7. Античные авторы о народах Северо-Западного Кавказа // Наука. Образование. Молодежь: Материалы II региональной научной конференции молодых ученых АГУ. Майкоп, 2005. (0,2 п.л.)
8. Основные параметры исторической концепции Хан-Гирея и Ш. Ногмова // Вопросы теории и методологии истории. Вып. 5. Майкоп, 2005. (1,2 п.л.)
9. Уровень исторического знания об адыгах (XVIII – первая половина XIX вв.) // История науки и техники. 2006. № 7. (0,5 п.л.)